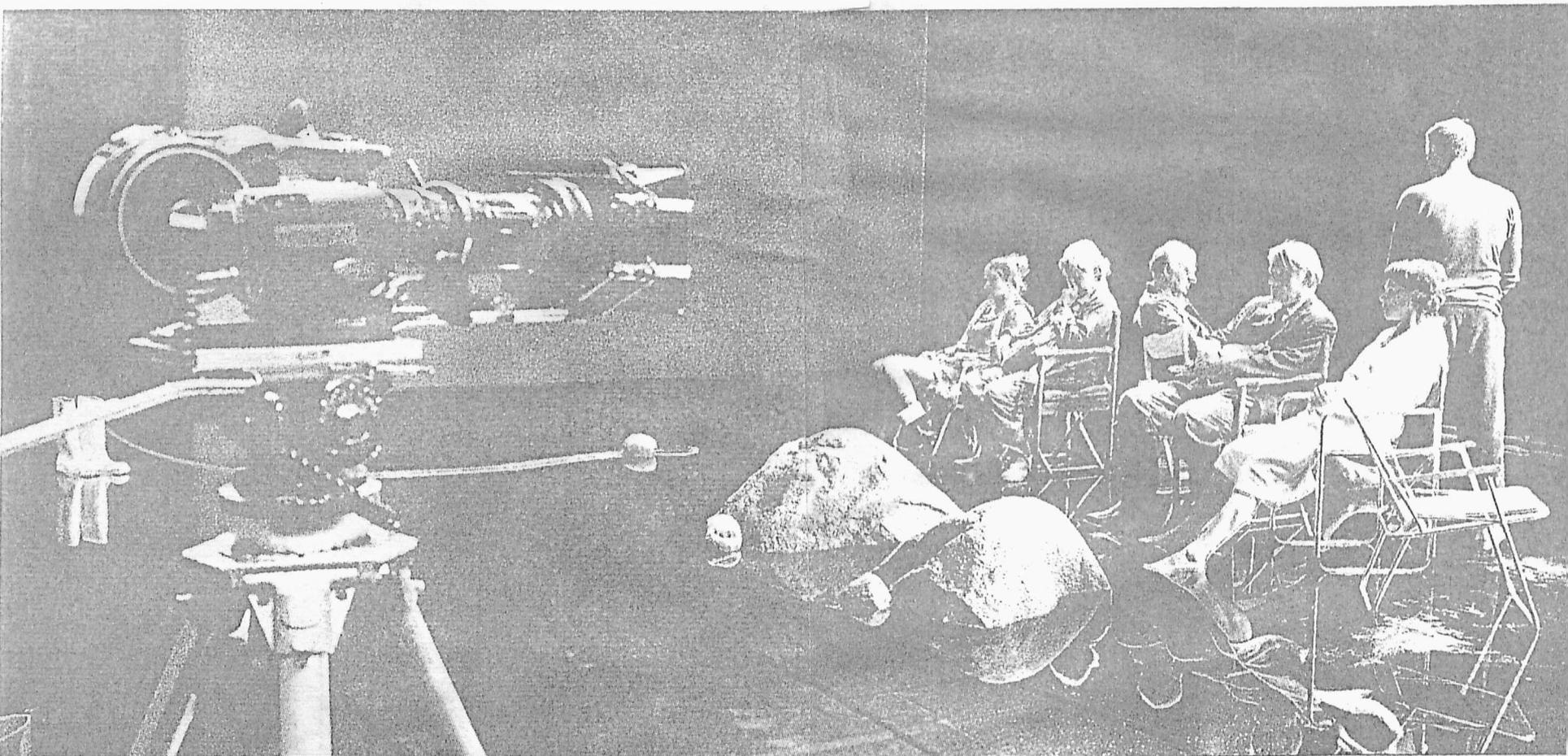

ШВЕДЫ ОСМЕЯЛИ ТАРКОВСКОГО

АРТУР СОЛОМОНОВ

В Петербурге продолжается фестиваль «Союза театров Европы». Эва Бергман, дочь знаменитого кинорежиссера Ингмара Бергмана, привезла в Петербург спектакль «Шведская летняя ночь» стокгольмского театра «Драматен». Организаторы фестиваля — Малый драматический театр и театр «Балтийский дом» — показали спектакль, в котором шведы устроили для русских сюрприз — пародию на кинорежиссера Андрея Тарковского.

Андрей Тарковский мучит шведских актеров, но ни одного кадра так и не будет снято

Самое интересное в шведском спектакле — остроумный текст и пародия на Андрея Тарковского.

Почему вдруг в Стокгольме решили немного поглумиться над нашим режиссером? Автор пьесы Эрланд Юсефсон снимался в фильмах Тарковского «Жертвоприношение» и «Ностальгия». Съёмки на острове Эрланд оставили в нем столь неизгладимый след, что он не смог молчать. И написал пьесу. В разговоре с корреспондентом **Газеты** на вполне законный вопрос: «Не было ли у вас ненависти к русскому режиссеру?» — драматург ответил: «Нет! Только любви! Но он меня так мучил, так раздражал!» В пьесе драматург разъясняет, почему Тарковский его раздражал и чем мучил.

Тарковский (Леннарт Йюльстрем) бродит по сцене, как Бог по им созданному миру, с любовью и снисхождением поглядывая на «тварей дрожащих». Творческий кризис сменяется внезапным озарением. Тарковский вдруг поливает все водой из шланга; неожиданно застывает, словно позирует для невидимого скульптора; просит актеров по очереди задать вопрос: «Ночь существует?» — с любовью, с удивлением, с агрессией. Ходит с видом кинематографического гуру. Требуется, чтобы ему изобразили «мистическую тривиальность зла». Изображают.

Текст пьесы изящный, но проблемы, которые в нем поднимаются, лишь грациозно намечены, как в хорошем эскизе. А намечено проблем много: Россия и Европа, не-

счастливая актерская доля и не менее несчастная доля режиссерская, вечная война полов, гений и толпа.

Все эти темы втиснуты в среднестатистический европейский спектакль. Минимум декораций — пять стульев, два камня, пара больших белых плоскостей, которые раскрываются в начале спектакля, а после бездействуют. Обязательный элемент «сюра»: сверху порой сыплется белый порошок. Это ловушка для критиков и любителей головоломок — можно попасться на удочку и начать расшифровывать образ: это, мол, быстротекущее время, вялотекущий творческий процесс или еще что покруче. Но, мне кажется, это не значит ровным счетом ничего: как говорит Русский режиссер, когда его спрашивают:

«А что значит вода, которой вы заполнили все вокруг?» — «Ничего».

Уважительное отношение к новой пьесе в европейском театре нередко оборачивается тем, что голос режиссера в спектакле по современным текстам не слышат вовсе. Тексты Шекспира и Мольера режиссер может хоть в ступе толочь, а вот пьесы, которые написаны относительно недавно, — будь добр, ставь, как они написаны. Поэтому невозможно понять, что за режиссер дочь Бергмана, отдохнула на ней природе или, напротив, изрядно потрудилась. Однако, как говорил Довлатов, талант (как и похоть) трудно скрыть, еще труднее им симулировать. Или Довлатов не прав, или Эва Бергман скрывать нечего.